

На правах рукописи

Крюкова Маргарита Ивановна

ЭКФРАСТИЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС В ПРОЗЕ А.С. ГРИНА

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2019

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель доктор филологических наук, доцент
Куликова Елена Юрьевна

Официальные оппоненты *Анисимов Кирилл Владиславович*
доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», (г. Красноярск), заведующий
кафедрой журналистики и
литературоведения

Зверева Татьяна Вячеславовна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», (г. Ижевск), профессор
кафедры истории русской литературы и
теории литературы

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск

Защита состоится «14» февраля 2019 года в «11-00» часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=286823>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент



Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование представляет собой анализ экфрастического тезауруса в творчестве А.С. Грина. Вслед за определениями теоретиков экфрасис рассматривается как «поэтическое описание произведений живописи и скульптуры...»¹, а также напоминающих картины и скульптуры изображений и предметов, включенных в художественный текст. Изучение экфрастического тезауруса в данной работе обозначает выявление и систематизацию живописных картин, похожих на них изображений, а также скульптурных образов. *Экфрастический тезаурус*, тем самым, является систематизацией разнообразных визуальных мотивов и сюжетов, позволяющих увидеть живописно-пластическую сторону поэтики А.С. Грина.

Актуальность исследования определяется устойчивым интересом в современном литературоведении к проблемам экфрасиса в текстах XIX-XX вв. и к вопросам синтеза искусств, интермедиальности. Наличие экфрастического тезауруса в произведениях А.С. Грина выявляет необходимость создания целостной работы, посвященной анализу этого явления. Мы подробно рассматриваем экфрасис и с точки зрения сюжета (сюжет об оживающем изображении), и с точки зрения общей структуры текста, определяя место экфрасиса в общей композиции произведения.

Задолго до широкого распространения теории экфрасиса в отечественном литературоведении сюжет об ожившей статуе подробнейшим образом изучил Р.О. Якобсон в статье «Статуя в поэтической мифологии Пушкина»². Постепенно исследователи, формулирующие законы экфрасиса выдвигают на первый план оппозиции живое/мертвое, динамическое/статическое. Однако полностью концепция мифологемы

¹ Spitzer L. The Ode on a Grecian Urn, or Content vs. Metagrammar (1955) // Essay on English and American Literature / ed. by A.Hatcher. Princeton, 1962. P. 72.

² Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145-180.

ожившей статуи Р.О. Якобсона и теория экфрасиса не совпадают. В отличие от мифологемы ожившей статуи/ожившего изображения, термин экфрасис переключает внимание с сюжетной структуры (столкновение живого и мертвого миров) на фактуру текста, на сочетание в тексте описательных и повествовательных фрагментов, на границы повествовательного и описательного, на их чередование, поскольку экфрасис является нередко своего рода «текстом в тексте», вставкой одного в другое.

Важно и то, что границы описательного и повествовательного, текста и «вставки» в него, проницаемы: картины или статуи в тексте всегда либо находят параллели в основном сюжете произведения, либо образы этих картин в трансформированном (к примеру, «ожившем») виде внедряются в сюжет напрямую. Произведение словесного искусства тоже живописно, сама словесная фактура произведения и слово как конструктивный материал позволяют воспринимать словесную вещь как упругую материю, которая отделана в соответствии с законами искусства, стих и проза как бы «вылеплены» из глины или нарисованы на полотне, обладают своим, почти «вещественным» словесным сопротивлением.

Актуализация понятия «экфрасис» согласуется с таким ключевым свойством современной культуры и литературы XX в., как интермедиальность (О.А. Ханзен-Лёве), тяготение к синкретическим медиасистемам. Несмотря на то, что А.С. Грина нельзя назвать авангардистом, общая тенденция интермедиальности культуры наложила отпечаток на его творчество. Гибридизация слова, изображения и пространства, несомненно, характерна для произведений А.С. Грина, все его описания картин/статуй направлены на то, чтобы усилить эффект живописно-визуального воздействия образной стороны текста.

А.С. Грин, с одной стороны, размывает границы между жизнью своих персонажей и искусством: герой может пересекать их, превращаться в изображение сам. С другой стороны, его изображения – это вторая реальность, которая, как правило, лучше первой, «жизненной» реальности. В

творчестве А.С. Грина экфрасис является рамкой, внутри которой скрывается живописное или скульптурное произведение, а вне ее находится литературный сюжет.

В работе используется классификация экфрасиса Е.В. Яценко³, которую исследователь составляет с опорой на теоретические положения Н.В. Брагинской, Л. Геллера, В.В. Бычкова, С.С. Аверинцева, Р. Мниха. По «носителю» изображения, материалу, т.е. по описываемому референту, экфрасисы подразделяются на репрезентации произведений: а) изобразительного искусства: живописи, графики, скульптуры, художественной фотографии; б) неизобразительного искусства: архитектуры, ландшафтного и интерьерного дизайна, декоративно-прикладного искусства (мелкая пластика, маска, кукла, мебель); в) синтетического искусства – кино; а также г) репрезентации артефактов, которые произведениями искусства не являются: фото, популярная печатная продукция (этикетки, реклама, открытки), графика в научно-популярных изданиях и т.д. В диссертации выделяются данные типы экфрасиса, позволяющие сформировать систему экфрастического тезауруса в творчестве А.С. Грина.

Главным визуальным моментом экфрасиса у А.С. Грина является то, что писатель вербализует живопись и скульптуру, наделяет динамикой изображения, делая их частью сюжета или полноценными персонажами. Зачастую в центре произведений А.С. Грина оказываются художники и любители искусства, создатели и творцы. Этот прием идет от романтической культуры первой трети XIX в. Романтическая идея синтеза искусств – это та самая идея, которую О.А. Ханзен-Лёве видит как основу создания медиасистем и интермедиальности XX в.

В исследовании анализу подвергаются все романы и рассказы, в которых в той или иной степени присутствует экфрастический тезаурус. Самым частотным вариантом проявления «динамического» экфрасиса у А.С.

³ Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47-57.

Грина является мотив ожившего изображения (не только картины, но и скульптуры), поэтому нами предпринята попытка рассмотреть искусство как *инобытие* героев, обособленный мир, находящийся за рамкой картины, полноценная часть пространства героев. Такой способ позволяет наиболее полно охарактеризовать экфрастический тезаурус. В диссертации на примерах конкретных текстов показывается, как А.С. Грин формирует свой экфрастический тезаурус – создает словесную живопись и скульптуру.

Объектом исследования является экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина. **Материалом** послужили романы писателя («Бегущая по волнам», «Блистающий мир», «Дорога никуда», «Джесси и Моргиана», «Золотая цепь»), повести («Алые паруса», «Пролив бурь»), новеллы и рассказы с элементами экфрасиса.

Предметом исследования выступают динамические особенности экфрасиса в прозе А.С. Грина.

Цель нашего исследования – изучение экфрастического тезауруса в прозе А.С. Грина и определение его роли в общей композиции романов и рассказов и в поэтике А.С. Грина в целом.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Аналитически описать экфрастический тезаурус и обозначить динамические и статические характеристики экфрасиса в текстах А.С. Грина;
2. Определить функции экфрасиса в сюжетно-мотивной структуре произведений А.С. Грина;
3. Показать, что экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина включен в интермедиальную парадигму культуры XX в.
4. Рассмотреть интертекстуальные корни экфрасиса в творчестве А.С. Грина;
5. Доказать, что разнообразие экфрасисного тезауруса в прозе А.С. Грина связано с особенностями поэтики его произведений, в частности, со свойствами неоромантического стиля.

Научная новизна исследования определяется следующими его аспектами:

1. Впервые предпринято системное исследование экфрасисного тезауруса в прозе А.С. Грина;
2. Впервые осуществлено комплексное аналитическое описание визуальной образности в романах и рассказах А.С. Грина;
3. Обозначены интертекстуальные связи произведений А.С. Грина с прозой и поэзией писателей XIX и XX вв. в аспекте экфрасиса;
4. Понятие «экфрасис» в творчестве А.С. Грина рассматривается в контексте исследования проблем интермедиальности, синтеза искусств и синкретических медиасистем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ экфрасисного тезауруса в прозе А.С. Грина показывает, что ключевым для творчества писателя является «динамический» экфрасис как метафора ожившего изображения, организующая в тексте оппозиции живого/мертвого, статического/динамического, мгновенного/вечного.
2. Метафора ожившего изображения определяет развитие мотивики и сюжетики во многих произведениях А.С. Грина (в творчестве писателя выделено более 30 экфрасисов такого типа), сюжетная динамика обеспечивается переходом границы между пространством «искусства» (картины) и «жизни» (все, что оставлено за рамками картины).
3. На основе анализа экфрасисного тезауруса в прозе А.С. Грина доказано, что экфрасис играет важнейшую роль в художественном мире писателя и широко распространен в его произведениях, что свидетельствует о приверженности писателя к интермедиальной парадигме культуры XX в.
4. Проза А.С. Грина развивалась в тесном взаимодействии с русской и зарубежной классикой и беллетристикой, в которой в той или иной мере представлен экфрасистический тезаурус; влияние на творчество писателя оказали экфрасисы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Г. Флобера, Э. По, А.И. Куприна.

5. Для А.С. Грина важны не только сюжетно-тематические заимствования и переключки, но и многообразие форм включения экфрасиса в текст произведения: экфрасисы возникают в сознании героев (картины-сны, картины-мечты, картины-видения), вставляются в произведение как отдельные, независимые сюжетные эпизоды, проявляется игра с рамками описанных в тексте изображений. Анализ экфрастического тезауруса позволяет проследить неоромантические черты поэтики А.С. Грина.

Теоретическая значимость исследования predetermined тем, что

1. благодаря выявлению и аналитическому описанию экфрастического тезауруса в творчестве А.С. Грина появляется возможность обновить представления о поэтике писателя, акцентировать значение неоромантических тем творца, искусства, синтеза искусства;

2. на примере конкретных произведений показан механизм действия динамического экфрасиса, поскольку метафора «живое изображение/изваяние» является одной из самых продуктивных в классике и беллетристике XIX-XX вв.;

3. большой объем и разнообразие экфрасисного тезауруса у А.С. Грина позволяет судить об экфрасисе как о важнейшем звене беллетристического канона русской литературы начала XX в., с одной стороны, а, с другой стороны – рассматривать экфрасис как оригинальную черту поэтики писателя.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания в ВУЗах при чтении курсов лекций по истории литературы XX в., задействоваться при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных творчеству А.С. Грина, при проведении литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий.

Методологическая основа диссертации определяется единством историко-литературного, компаративного и структурного подходов. На наше

исследование повлияли теоретические труды по проблемам экфрасиса, синтеза искусств, интермедиальности и диалога культур О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтина, Н.В. Брагинской, В.Н. Топорова, О.А. Хансен-Лёве, Л. Геллера, Б. Кассен, М. Рубинс, Н.В. Злыдневой, М.Б. Ямпольского, Т.Е. Автухович и др.; работы, посвященные проблемам мотивного анализа, сюжетологии, нарратологии (Е.Д. Мелетинского, В.Я. Проппа, Б.М. Гаспарова, И.В. Силантьева, Г.К. Косикова и др.), вопросам семиотики и семиосферы (Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, У. Эко), статьи и монографии об оживающих изображениях в творчестве А.С. Грина и других русских и зарубежных писателей (Р.О. Якобсона, В. Шмида, В.Ю. Баль, М.Л. Сидельниковой, Н.А. Петровой).

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов определяется полнотой рассмотренного материала на достаточно высоком научно-теоретическом уровне. Все положения, выдвинутые в диссертации, основательно доказаны. Итоговые результаты работы, изложенные в заключении, соотносятся с целью и задачами, сформулированными во введении и двух главах исследования.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации изложены в виде докладов на конференциях молодых ученых «Филологические чтения. Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, НГПУ, 2012, 2013), на международной междисциплинарной научной конференции «Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: культуросозидание как теоретическая и прикладная проблема» (Новосибирск, НГУ, 2012); на межвузовской научной конференции «Кормановские чтения» (Ижевск, УдГУ, 2013); на всероссийской научной конференции «Вторые лемовские чтения» (Самара, СГУ, 2013); на Международной научно-практической конференции «Миф – фольклор – литература: постановка вопроса в современном научном пространстве» (Вроцлав, Польско-Русский институт,

2014); на Всероссийских научных конференциях «Сюжетология/сюжетология» (Новосибирск, ИФл СО РАН, 2015, 2016).

По теме диссертации опубликовано 11 статей, из которых 8 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 2 – в зарубежных сборниках, 1 – в сборнике материалов Всероссийской научной конференции.

Цели и задачи исследования определили структуру работы. Текст диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, который включает 230 наименований и содержит художественные источники и перечень использованной научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна темы, обусловившие ее выбор, анализируются состояние и степень изученности темы, определяются цели, основные задачи и теоретическая база диссертации, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава «Экфрасис в творчестве А.С. Грина в аспекте сюжета и пространства» посвящена обзору экфрасисных описаний и их классификации в произведениях А.С. Грина. Здесь же рассматривается экфрасис как основа гриновской сюжеттики, а также решается вопрос о пространственных аспектах экфрасиса. Экфрасис Грина показан на фоне творчества классиков XVIII-XX вв. и беллетристов первой половины XX в.

В первом параграфе *«Разновидности экфрасиса в прозе Грина»*, с опорой на труды Н.В. Брагинской, О.М. Фрейденберг, М. Рубинс, Л. Геллера, О. Клинга, подвергаются классификации описания произведений искусства в творчестве писателя. В творчестве А.С. Грина наиболее частотен *живописный экфрасис* («Искатель приключений», «Акварель», «Алые паруса»). Отдельно рассматриваются *портреты* («Таинственный лес», «Пролив бурь», «Джесси и Моргиана», «Повесть крутых гор») и *карточные изображения* («Серый автомобиль», «Гениальный игрок», «Клубный арап», «Жизнь Гнора»). *Интерьер* проанализирован в повести «Фанданго», *пейзаж*

– в рассказах «Шедевр» и «Враги». *Скульптурный экфрасис* представлен в романе «Бегущая по волнам», рассказах «Победитель», «Редкий фотографический снимок», «Белый огонь», «Серый автомобиль», «Убийство в Кунст Фише». *Манекены* – в романе «Золотая цепь», повестях и рассказах «Серый автомобиль», «Бунт на корабле Альцест», «Лабиринт». *Архитектурный экфрасис* рассмотрен, согласно определению О. Клинга⁴, как *топоэкфрасис* («Крысолов» и «Золотая цепь»).

Описания произведений искусства *по объему*, включающих *полный экфрасис*, представлены в повестях и рассказах «Искатель приключений», «Фанданго», «Белый огонь» и «Победитель», «Далекий путь», романах «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана» и нек. др. *Свернутый экфрасис* можно проследить в романе «Дорога никуда» и рассказе «Редкий фотографический аппарат». *Нулевой экфрасис* встречается в романе «Джесси и Моргиана». По наличию или отсутствию в истории художественной культуры реального референта экфрасисы делятся на *миметические* и *немиметические*. В прозе А.С. Грина преобладает *немиметический экфрасис*, то есть предметом описания становятся не реально существующие живописные полотна, скульптуры и артефакты, а воображаемые.

В первой главе рассмотрено и соотношение понятий «экфрасис» и «метафора». В основе экфрасиса почти всегда лежит метафора, уподобляющая живое мертвому и мертвое живому. Картины в произведениях искусства, и А.С. Грин – подтверждение правила, а не исключение из него, – это всегда ожившие картины. И, наоборот, живому миру, противопоставленному застывшему миру искусства, художник может всегда через экфрасис придать мертвенные черты, поскольку «живость» мира искусства может описываться убедительнее, чем динамика реального мира. Примером тому может служить повесть «Джесси и Моргиана», где Джесси перемещается в изображенную сцену, попадает в давнюю легенду,

⁴ О. Клинг. Топоэкфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина) // Экфрасис в русской литературе: сб. тр. Лозаннского симпозиума. М.: Издательство «МИК», 2002. С. 98.

принимает правила ушедшей эпохи. А потом, уже в роли художника, она мысленно воображает свою картину, все так же являясь ее соучастником. Мир картины, мир искусства в этом примере сильнее реального мира. Но есть у А.С. Грина и противоположные примеры, особенно в фантазиях на темы будущего. Писателя пугает абстрактная стилистика футуризма, и его «футуристические натюрморты» агрессивны, губительны для человека, они негативно сравниваются с природой («Шедевр»).

Второй параграф *«Экфрасисы Грина в контексте творчества беллетристов первой половины XX века»* посвящен сравнению экфрасисов А.С. Грина с экфрасисами писателей-беллетристов, его современников – Е.А. Нагородской, А.П. Каменским, Г.И. Чулковым, М.П. Арцыбашевым, А.А. Кондратьевым. Для беллетристики XX в. экфрасис – это довольно-таки освоенная область. Экфрасисы в беллетристике, возможно, даже более многочисленны, чем в классике, вероятно, потому, что в беллетристике XX в. остаются актуальными уже отыгранные романтические сюжеты прозы века XIX.

Экфрасисы Е.А. Нагородской («Белая колоннада», «Гнев Диониса») служат дидактической иллюстрацией основного сюжета. А.С. Грин не придерживается столь жестких дидактических принципов, его проза лишена прямой и однозначной поучительности. В рассказах А.П. Каменского экфрасисы представляют собой орнаментальные картинки, содержание которых клишировано (к примеру, рассказ «Париж» изобилует картинками-изображениями на тему литературно-живописно-кинематографических представлений о Париже).

Продуктивным оказалось сравнение А.С. Грина с Г.И. Чулковым, М.П. Арцыбашевым, А.А. Кондратьевым. Переключки между рассказами А.С. Грина («Редкий фотографический аппарат») и М.П. Арцыбашева («Деревянный чурбан») дают возможность увидеть, что экфрасисы М.П. Арцыбашева и А.С. Грина детализированы. Так, у А.С. Грина экфрасисная тема мстящей статуи усилена темой «фотографического»

изображения (следа молнии, обличающего преступника), а у М.П. Арцыбашева проведена параллель между деревянным идолом и бурятом, сама внешность которого напоминает деревянную скульптуру и несет коннотации чужого, экзотического, беспощадного и беспристрастного возмездия.

В повести А.А. Кондратьева «Сны» соединены различные типы экфрасиса внутри одного фрагмента: пейзаж, зеркальность, архитектура, музыка, что напоминает экфрасисные наложения сновидческих изображений-отражений из новелл А.С. Грина «Фанданго» и «Безногий».

Рассказы Г.И. Чулкова «Морская царевна» и новелла «Красный жеребец» имеют, как и произведения А.С. Грина, богатые романтические подтексты: «Морская царевна» – реализация русалочьего мифа, а в «Красном жеребце» отчетлив подтекст из «Метценгерштейна» Э. По. Кроме того, в рассказе А.С. Грина «Шедевр» есть пугающий, «технический» экфрасис-натюрморт⁵, он напоминает «геометрический» натюрморт из рассказа Г.И. Чулкова «Судьба», написанного годом раньше гриновского «Шедевра».

Как видно из приведенных сравнений, беллетристика (А.А. Кондратьев, М.П. Арцыбашев, Г.И. Чулков) образует промежуточный слой между классикой и массовой литературой, беллетристике свойственны не только традиционные, но и новаторские приемы в области экфрасиса (сочетание разных видов экфрасиса, богатая фактура, детализация экфрасисных описаний, интертекстуальность экфрасисных описаний).

В третьем параграфе «Сюжет и экфрасис в произведениях Грина» анализируется роль экфрасиса в построении прозы писателя. В первую очередь, важно, что экфрасисы А.С. Грина динамичны. В новелле «Искатель приключений» динамика изображения настолько сильна, что создается впечатление, будто герой рассказа, рассматривающий картину, и герой этой рассматриваемой картины находятся в одном пространстве. Это позволяет

⁵ Экфрасисы-натюрморты – это более редкое явление, чем экфрасисы-ожившие портреты/статуи.

сравнить текст А.С. Грина с рассказом Б.А. Лавренева «Гравюра на дереве», написанным на тему противоречий теории отражения жизни в искусстве.

С другой стороны, «живые» портретные экфрасисы А.С. Грина можно соотнести с такими текстами, как «Безумный художник» И.А. Бунина, где трагедия художника описывается через ужасающее полотно, созданное им. На похожий сюжет указывает Е.Д. Толстая у А.Н. Толстого («Она»). И на фоне «советской» прозы Б.А. Лавренева, и на фоне лирической прозы И.А. Бунина выявляется то, как в прозе А.С. Грина остро противопоставлены искусство и реальность. Искусство у А.С. Грина не отражает реальность, а конкурирует с ней, превосходит ее в динамике, которая может быть столь сильной, что внушает ужас и страх.

Несмотря на то, что экфрасисы А.С. Грина немиметичны, можно увидеть и обобщенный живописный подтекст, который стоит за его текстами. «Искатель приключений» перекликается и с рассказом Э. По «Колодец и маятник». Пугающее живописное пространство, сокрушающее художника, восходит у Э. По к И. Босху и П. Брейгелю, тот же живописный подтекст можно отметить и у А.С. Грина.

Переход границы между картиной («искусством») и пространством, оставленным за гранью картины («жизнью»), образует главную перипетию произведения, это и есть преодоление героем границ, составляющих основу любого сюжета. В ряде случаев экфрасис определяет основную линию произведения («Фанданго», «Искатель приключений», «Победитель», «Белый огонь», «Убийство в Кунст Фише» и др.) или же образует вставной сюжет («Алые паруса», «Пролив бурь», «Джесси и Моргиана» и др.), пересекающийся с ведущим сюжетом произведения.

В четвертом параграфе *«Экфрасис и образы пространства в творчестве Грина»* внимание концентрируется на том, как соотносятся между собой условное (живописное или скульптурное пространство, пространство искусства) с тем пространством, в которое помещено живописное полотно или скульптура («реальное»). Через сравнение

А.С. Грина с Ф. Сологубом и А.Н. Толстым показано, насколько отчетливо отделено искусство от не-искусства у этих писателей, как преодолевается непроницаемая рама, отделяющая условность от того, что наделено статусом реальности. Нас привлекали сюжеты, где герой входит в картину или, напротив, персонажи или реалии картины выходят за рамку полотна, в мир героев.

При этом граница между двумя мирами то исчезает, «растворяется», намеренно нивелируется писателем, то, напротив, обостряется, тем самым открываются большие возможности для пространственных и временных переходов и даже скачков в тексте, то есть нарративный рельеф усложняется разными формами экфрасиса. Герои А.С. Грина совершают условное перемещение, при котором рама полотна как бы размывается, стирая грани двух пространств, что углубляет в конечном итоге не только тему живописи, но и делает ярче словесную ткань произведения («Дорога никуда», «Далекий путь», «Клубный арап», «Акварель»). Экфрасис практически всегда влияет на хронотоп новеллы, поворачивая сюжет в новое русло, позволяя сочетать в пределах одного текста разнообразные времена и пространства.

Исследователями неоднократно отмечались романтические черты поэтики А.С. Грина, и в данной работе описывается переключка рассказа «Далекий путь» с повестью В. Одоевского «Саламандра», что подчеркивает «неоромантизм» А.С. Грина. Только, в отличие от писателя XIX в., А.С. Грин динамизирует экфрастическое описание, сделав его не просто изображением, но *тем, иным* миром, куда может уйти герой.

В пятом параграфе *«Динамичные картины в рассказах Грина»* анализируется «динамический» экфрасис как элемент текста, который выявляет богатые интертекстуальные связи произведений А.С. Грина с живописными и литературными произведениями разных веков. Писатель «оживляет» своих нарисованных персонажей, которые косвенно влияют на судьбы героев рассказа, существующих вне картины. Все изображенные

красавицы и демоны Грина будто переселились из картин знаменитых художников.

Особо важны отмеченные в работе интертекстуальные связи рассказов А.С. Грина с произведениями XVIII-XIX вв. («Фауст» И. Гете, «Искушение святого Антония» Г. Флобера, «Портрет» Н.В. Гоголя, «Штосс» М.Ю. Лермонтова, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда) и XX в. («Воскресшие боги» Д.С. Мережковского, «Красногубая гостья» Ф.К. Сологуба, повесть А.Н. Толстого «Граф Калиостро», рассказы А.И. Куприна), что позволяет проследить движение мотива «оживающих» произведений. Картины и скульптуры, описанные А.С. Грином, придают текстам писателя пространственную трехмерность, выразительную колористику.

Таким образом, в первой главе рассматриваются виды и функции экфрасиса в произведениях А.С. Грина; особенности статики и динамики в прозе писателя – «статические» и «динамические» экфрасисы; показано, как экфрасис создает новое пространство, удваивая рамки повествования; обозначены интертекстуальные связи с произведениями русских и зарубежных писателей и художников. Отдельно выделена беллетристическая линия в литературе для расширения экфрасического тезауруса и более глубокого проникновения в поэтику прозы А.С. Грина. Писатель органически вписывается в интермедиаальный контекст культуры XX в., поскольку в словесной ткани его произведений плотно синтезировано живописное, картинное, скульптурное и словесное. Чтобы показать общемодернистские тенденции творчества А.С. Грина, его проза в диссертации помещена в контекст близких по времени создания произведений (А.И. Куприн, Л.М. Леонов, М.А. Кузмин, Л. Н. Андреев и др.), что обогащает обзор и понимание основных механизмов экфрасиса писателя.

Вторая глава «Динамика экфрасиса и ожившие изображения в прозе А.С. Грина» посвящена динамическим характеристикам экфрасиса в

произведениях Грина. Для этого проанализирован ключевой мотив, лежащий в основе экфрасиса, – мотив ожившего изображения. В экфрастический тезаурус включены не только привычные портреты и статуи, но и оживающие карточные изображения, манекены и куклы, зеркальные отражения. Все это аналитически описывается с привлечением интертекстуальных параллелей и выявлением приемов построения экфрастических описаний.

Первый параграф *«Экфрастические портреты в повестях Грина («Пролив бурь», «Таинственный лес», «Джесси и Моргиана»)»* еще раз возвращает к размышлениям о границах между жизнью и искусством в творчестве А.С. Грина, эти границы размываются и сложнейшим образом переплетаются. Иногда размывание границ происходит в сознании героев: герои с легкостью путают действительность и изображение. «Оживающие» в сознании героев портреты резко меняют их судьбу. Подобный сюжетный ход характерен как для прозаиков XIX (Э. По, Н. Готорна, О. Уайльда), так и XX века (М.А. Кузмина). В произведениях А.С. Грина собрана богатая коллекция описаний предметов, представляющих разные виды искусств, но, кроме того, представлены и разные способы восприятия произведений искусства, чем достигается синестетический эффект.

Метафорическая «живость» картины в тексте переживается ярче, сильнее от того, что иногда портрет превращается в живой образ, в живого персонажа. Благодаря этому гриновский портрет подвержен различным метаморфозам: он обретает динамику еще на полотне, в его восприятии задействованы тактильные ощущения, предшествующие реализации метафоры «оживления».

Во втором параграфе *«“Карточный” экфрасис в творчестве Грина (“Серый автомобиль”, “Гениальный игрок”, “Клубный арап”, “Жизнь Гнора”)*» анализируются карточные изображения А.С. Грина, которых в его творчестве немало. Являясь метафорой человека-вещи, карты создают

эффект «динамического» экфрасиса, когда изображенное на картах лицо дамы, валета или короля наделяется свойствами портрета.

Мотивы карт привлекают внимание к темам судьбы, предопределенности, случая в текстах А.С. Грина. Бубновый валет, Пиковая Дама, Джокер, Короли и Двойка Пик – эти «персонажи» входят в один ряд с «живыми» героями, воздействуя на их судьбу в рамках повествования. При анализе текстов приводятся интертекстуальные отсылки к произведениям А.С. Пушкина («Пиковая дама»), Л.М. Леонова («Бубновый валет»), В.В. Набокова («Король, дама, валет»), Л.Н. Андреева («Большой шлем»). Статичная природа карточных фигур преодолевается в текстах А.С. Грина и организует в повествовании сложную систему границ реального/ирреального и их преодоления.

Третий параграф *«Движущиеся статуи в прозе Грина («Бегущая по волнам», «Победитель», «Редкий фотографический снимок», «Белый огонь», «Серый автомобиль», «Убийство в Кунст Фише»)»* посвящен скульптурному экфрасису. Здесь не просто анализируются статуарные мотивы в прозе Грина, а рассматриваются свойства динамического экфрасиса писателя, определили особенности переходов статических объектов в динамические, и наоборот.

Характеристика особенностей данного сюжета у Грина позволяет отметить, что писатель наделяет главного героя признаками статуарности («Бегущая по волнам», «Всадник без головы», «Серый автомобиль»), но при этом придает движение скульптуре, представляет ее сразу живой («Победитель», «Блистающий мир»). Подчас Грин превращает живого человека в изваяние, а потом снова в динамичный объект («Убийство в Кунст-Фише»). Порой главный герой целенаправленно пытается оживить героиню (восковую куклу, скульптуру) («Серый автомобиль», «Победитель»).

Важно обратить внимание на высокую экфрастическую плотность текста у А.С. Грина: в рамках одного произведения могут сочетаться

несколько разных экфрасисных мотивов, экфрасис может инверсироваться, и тогда мотив статуарности/оживления переходит от одного героя к другому («Серый автомобиль», «Бегущая по волнам», «Убийство в Кунст-Фише»).

В четвертом параграфе *«Манекены и куклы как воплощение динамики экфрасиса в творчестве Грина (“Золотая цепь”, “Серый автомобиль”, “Бунт на корабле Альцест”, “Лабиринт”)*» установлена связь оживающих кукол/манекенов у А.С. Грина с понятием динамического экфрасиса. Для нашего исследования данный мотив важен тем, что позволяет расширить экфрастический тезаурус Грина и показать его выход на границу с изображениями, находящимися, казалось бы, совсем близко к «живой жизни».

Мотив куклы/манекена оказывается значимым для писателя. В какой-то мере, это рецепция романтической традиции (в частности, гофмановской), когда наделенные душой герои борются с механистическим миром; кроме того, у А.С. Грина это вариация на тему оживающей скульптуры, когда кукла/манекен становится символом выхода из статики в живой динамичный мир. Мы прослеживаем мотив куклы/манекена у Грина также через интертекстуальные переключки с произведениями Ю.К. Олеси и Л.М. Леонова. Данный мотив добавляет еще один оттенок в анализируемый нами экфрастический тезаурус.

В пятом параграфе *«Зеркало как метафора экфрасиса в рассказе Грина “Безногий”»* раскрывается прием зеркальной визуализации, используемый А.С. Грином в прозе. Писатель открывает герою его истинные черты при помощи зеркала или зеркального отражения. Зеркало как вариант экфрасиса было необходимо А.С. Грину, чтобы его герои могли увидеть свой собственный портрет, не написанный специально художником, а сотворенный природой: лицо в зеркале – самый динамический, самый объективный и самый необъективный из всех образов, созданных когда бы то ни было.

Во второй главе подробно анализируются особенности динамического экфрасиса и мотив ожившего изображения в прозе Грина на материале его рассказов, повестей и романов, выявлены основные приемы построения экфрастических описаний. Рассмотрены не только привычные для традиционных типов экфрасиса портреты и статуи, но и оживающие карточные изображения, манекены и куклы, зеркальные отражения.

В **Заключении** делается вывод о том, что в работе максимально подробно представлен экфрасисный тезаурус прозы А.С. Грина. Пользуясь наиболее полным изданием писателя⁶, мы осуществили выборку самостоятельных экфрасисных фрагментов и мелких мотивов, прямо или косвенно связанных с изображениями и статуями.

В исследовании обращено внимание также и на необычайную плотность экфрасиса внутри произведений А.С. Грина: в одном тексте может встречаться не один, а сразу несколько различных экфрасисных мотивов («Серый автомобиль», «Искатель приключений», «Алые паруса» и др.), скульптурные и изобразительные мотивы могут наслаиваться друг на друга («Серый автомобиль», «Бегущая по волнам», «Золотая цепь»), инверсироваться («Бегущая по волнам», «Фанданго», «Серый автомобиль»), связанные с экфрасисом мотивы (оживления/омертвления, движения/статуарности, мгновенности/вечности) могут переходить от героя к герою, от одного локуса к другому.

Столь важное место, занимаемое экфрасисом в творчестве А.С. Грина, объясняется многими факторами. В первую очередь, неоромантической стилистикой писателя. В работе прослеживаются романтические и постромантические традиции, оказавшие влияние на прозу А.С. Грина. Мифы о творце, художнике, тенденция синтеза искусств лежат в основе сюжетики писателя, а идея синтеза искусств соотносится с насыщенной живописностью его стиля. Но, разумеется, не только романтическая культура релевантна для гриновского экфрасиса, он существует в контексте культуры

⁶ Грин А.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Сост. В. Ковский. М.: Правда, 1980.

XX в. Произведения писателя неотрывны от контекста живописи, кинематографа, музыки XX в. В работе выявлены конкретные источники изобразительных и скульптурных образов А.С. Грина (А. Беклин в повести «Алые паруса», А. Корреджио в рассказе «Шедевр», Д. Гринвуд в романе «Дорога никуда») и общемодернистские тенденции художественного осмысления искусства, которые нашли отражение в текстах писателя.

В данном исследовании рассматриваются динамические и статические характеристики экфрасиса, а также определяются его функции в сюжетно-мотивной структуре произведений Грина. Мотив оживающего изображения придает динамические черты экфрасису и определяет природу множества приемов включения экфрасиса в текст и приемов построения самих экфрастических описаний. Описывая живопись и скульптуру, А.С. Грин пользуется экфрасисом как приемом, позволяющим раздвинуть границы текста. Различные виды экфрасиса и мотив ожившего изображения позволили нам увидеть многомерность и многослойность структуры его произведений.

Несмотря на широкое рассмотрение разновидностей экфрасиса в работе, в перспективе остается проанализировать категорию фотографии как особый вид застывшего изображения в прозе Грина. Временные произведения искусства (музыка и танец) также присутствуют в творчестве Грина и могут послужить темой для нового исследования.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Публикации в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Плютова (Крюкова) М.И. Живые картины в рассказах А.С. Грина «Фанданго» и «Искатель приключений» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – №3. – 2012. – С. 260-264. – 0,4 п.л.

2. Плютова (Крюкова) М.И. Пространственные перемещения в творчестве А.С. Грина // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). – №11 (2). – 2013. – С. 176-181. – 0,4 п.л.
3. Плютова (Крюкова) М.И. Оживший манекен в новелле А. Грина «Серый автомобиль» // Ярославский педагогический вестник. – №1 (4). – 2013. – С. 220-223. – 0,3 п.л.
4. Плютова (Крюкова) М.И. Об использовании экфрасиса в творчестве А.С. Грина (Леди Годива и другие изображения) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. – №6. – 2013. – С. 133-138. – 0,5 п.л.
5. Плютова (Крюкова) М.И. О двух женских портретах в прозе конца XIX – начала XX вв. («Безумие» А.И. Куприна и «Искатель приключений» А.С. Грина) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – №8 (1). – 2014. – С. 221-224. – 0,3 п.л.
6. Плютова (Крюкова) М.И. «Оживающие» портреты в творчестве А.С.Грина // Сибирский филологический журнал. – №4. – 2014. – С. 61-65. – 0,3 п.л.
7. Плютова (Крюкова) М.И. Оживающие изображения в новелле Александра Грина «Искатель приключений» // Вестник Костромского государственного университета – № 4. – 2016. – С. 107-110. – 0,4 п.л.
8. Крюкова М.И., Куликова Е. Ю. Об экфрастическом тезаурусе в творчестве Александра Грина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки – № 5. – 2018. – С. 73-81. – 0,27 п.л. / 0,27 п.л. (авторские не разделены)

II. Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

9. Плютова (Крюкова) М.И. Оживающая статуя в прозе А.С. Грина // Applied and fundamental studies. – 2012. – С. 439-444. – 0,3 п.л.
10. Плютова (Крюкова) М.И. Фантастические метаморфозы в новелле А. Грина «Серый автомобиль» // Сборник материалов Всероссийской

научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема. – Самара, 2014. – С. 95-104. – 0,5 п.л.

11. Плютова (Крюкова) М.И. Статика и динамика в экфрасисах А.С. Грина // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. – Вроцлав, 2015. – С. 294-304. – 0,4 п.л.